

УДК 82.09

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-153-157

КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ПОЛА ЯНГА «ХИЖИНА»

Ю. Ю. Иванов

Литературный институт им. А. М. Горького, Москва

В современном литературоведении в условиях процессов глобализации (либерализм, мультикультурализм, демократизм) массовая культура все меньше критикуется как нечто низкое по отношению к элитарному. Вместе с тем указанные процессы также ведут к стиранию культурной идентичности, в частности национальной и религиозной, что показано на примере христианского романа Уильяма Пола Янга «Хижина».

Ключевые слова: глобализация, мультикультурализм, религиозная идентичность, христианский роман, Уильям Пол Янг.

Современный англоязычный роман в условиях глобализации и общества потребления нацелен на массового международного читателя. Выражения «массовое общество» и «массовая культура» до сих пор имеют негативную коннотацию, что обусловлено их соответствующей маркировкой в первой половине XX в. Например, испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в труде «Дегуманизация искусства» (1925) отказал массовому обществу в способности воспринимать произведения истинного искусства в связи с его прагматичным стремлением соотносить искусство с реальностью [1].

В настоящее время в науке «массовое общество» все менее критикуется как нечто «низкое». Данные процессы обусловлены всеобщей демократизацией отношений как в обществе, так и в литературе, а также сопутствующим стиранием границ между «низким» и «элитарным». Ю. М. Лотман в статье «О содержании и структуре понятия «художественная литература» указывает на социологическую функцию массовой литературы, а также на взаимозаменяемость высокой и низкой литератур: «В истории литературы всегда было разграничение высокой (уникальной) и массовой (однородная масса текстов). Однако они часто менялись своими признаками. Например, В. Шкловский связывал высокую литературу с господствующими классами, а массовую – с народностью и демократией. Между тем история показала, что порой бывает совершенно наоборот» [2, с. 781].

Как замечает в своем исследовании феномена массовой литературы М. А. Черняк, «сегодня, когда практически нет единых критериев оценки художественных произведений и согласованной иерархии литературных ценностей, становится очевидной необходимость взгляда на новейшую литературу как на своего рода мультилитературу, т. е. как на конгломерат равноправных, хотя и разноориентированных по своему характеру, а также

разнокачественных по уровню исполнения литератур» [3, с. 25].

Также современным исследователям становится очевиден тот факт, что феномен массовой культуры непосредственно связан с процессами глобализации, с размыванием национальных идентичностей, что определяет ее обращение к самым базовым, архетипическим героям и сюжетам. Так, С. Зенкин в статье «Массовая культура – материал для художественного творчества: к проблеме текст в тексте» отмечает, что «массовая культура как новейшая индустриальная модификация фольклора (отсюда ее клишированность, повторяемость элементов и структур) ориентируется уже не на язык конкретной национальной культуры, а на транснациональный код „масскультурных“ знаков, опознаваемых и потребляемых в мире» [4, с. 157].

Между тем, как замечает исследователь культурной глобализации А. Бубнихин, с одной стороны, «глобализация устраняет межнациональные, межгосударственные, межконфессиональные, гендерные барьеры, предоставляя личности широчайшие коммуникативные возможности. С другой стороны, глобализация порождает проблему личности в ее оригинальности и независимости, поскольку человек вписывается в некую заданную схему, напоминающую техническое устройство» [6, с. 5].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о двойственном характере влияния глобализации на культурные процессы, в том числе на процессы англоязычной литературы: современный международный массовый читатель, увеличивая свое количество по всему миру, прямо пропорционально уменьшает оригинальность своего национального лица, все активнее стирая признаки своей культурной идентичности.

В состав культурной идентичности индивида в первую очередь входят национальная и религиозная идентичность. Сразу необходимо отметить, что

современный читатель в целом не является религиозным, так как доля художественной литературы с религиозной тематикой на международном книжном рынке крайне мала. Однако при этом случаются очень яркие исключения, как, например, роман Уильяма Пола Янга «Хижина», который по состоянию на 2010 г. был распродан по всему миру тиражом более 10 млн экземпляров и, что самое главное, позиционируется на мировом книжном рынке как христианский.

Массовость романа свидетельствует об интересе международного читателя к религии и христианству, а также об общей христианской идентичности как со стороны автора, так и со стороны читателя. Однако эта идентичность, как будет показано ниже, в строгом смысле не соответствует библейским текстам и представлениям.

Под религиозной идентичностью следует понимать «категорию религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [6, с. 163].

При этом для религиозной идентичности крайне важна уверенность в правоте своей веры и ее положений, т. е. ортодоксальность. Согласно доктору философии А. Н. Крылову: «Эта ортодоксальность является, в конечном счете, одним из факторов социально-религиозной идентификации, способствующих выделению своих и чужих. Все указанные признаки, как мировоззренческие, так и выражающиеся в поведенческих актах, имеют прямое или опосредованное отношение к формированию религиозной идентичности» [7, с. 30]. Цельность религиозной идентичности заключается прежде всего в соответствии представлений и действий ее носителя положениям письменного источника религиозного откровения. В случае христианской религии таким источником являются библейские книги (Ветхий и Новый Завет), которые в своей совокупности образуют библейский канон.

Библейский канон, разнящийся у трех главных направлений (католицизм, протестантизм, православие) в некоторых частных деталях и толкованиях, тем не менее восходит к тем основным постулатам, с которыми себя идентифицирует любой христианский верующий, как, например, концепции единобожия, всеислия Бога, троичности его ипостасей (Бог Отец, Бог Сын, Святой Дух), грехопадения, учение о мессии Иисусе Христе, искупившем человеческие грехи, и т. д. Переосмысление этих идей или свободная их интерпретация противоречат принципу ортодоксальности, а соответственно, свидетельствует о кризисе религиозной идентичности.

События романа «Хижина» происходят на северо-западе США, в штате Орегон. Главный герой Мак берет в поход на озеро своих детей, во время которого пропадает его дочь Мисси. Вскоре выясняется, что Мисси была похищена и убита серийным маньяком по прозвищу Убийца Божьих Коровок. Герой испытывает тяжелейшее потрясение, а через некоторое время он получает письмо, подписанное как «Папа», в котором ему предлагается вернуться в хижину, где была убита его дочь. Прибыв в хижину, Мак встречает там Бога, Иисуса и Святого Духа. Основная часть романа посвящена разговорам героя со Святой Троицей, главной темой которых является вопрос, почему в нашей жизни есть несправедливость и страдания и что делать со своей болью.

Роман, позиционирующийся как христианский, существенно расходится с библейским каноном, что напрямую связано с современными процессами глобализации (демократизация, мультикультурализм, индивидуализм и т. д.).

В первую очередь это расхождение касается главных метафор романа – хижины и письма. Главный герой получает личное письмо от Бога и встречает его в маленькой неприметной хижине. Очевидно, что в этом кроется противопоставление Священному Писанию и Церкви – Мак не обращается к Библии и не идет в местную христианскую церковь, а получает личную записку от самого Господа, который находит для него время в маленькой хижине (отражение современных идей индивидуализма). Писатель переосмысливает основополагающие идеи христианства в духе протестантизма Мартина Лютера (Церковь не является посредником между Богом и человеком), однако идет дальше него, ставя под сомнение уже не только Церковь, но и саму Библию как источник христианских истин: «Никто не искал вестей от Бога в почтовом ящике, только в книге. Особенно в дорогой книге, переплетенной в кожу, с позолоченным корешком» [8, с. 78].

Другим существенным отклонением от христианского канона в романе можно считать образы, в которые воплотилась Святая Троица: Бог представлен в виде крупной негритянки, Иисус в виде ближневосточного плотника, Святой Дух в виде азиатской женщины по имени Сарайю.

В связи с этим можно в очередной раз отметить взаимосвязь глобализационных мультикультурных процессов с проблемой идентичности. Христианская религия получила свое наивысшее развитие в среде европейских наций, соответственно, представления о внешнем виде Бога и Иисуса на протяжении столетий формировались на основе внешне-го вида европеоидной расы («Бог создал человека по образу и подобию своему»).

Главный герой испытывает понятное замешательство при виде мультикультурной Святой Троицы:

«Но две женщины и мужчина, причем ни один из них не европеец? С другой стороны, откуда у него такая уверенность, что будто Бог должен быть белым?» [8, с. 105].

Смешение наций, в том числе негритянских и азиатских, в одно универсальное массовое общество закономерно ставит вопрос о том, почему Бог должен быть белым или хотя бы представляться в образе белого мужчины. Роман «Хижина», таким образом, дает современный ответ на этот вопрос – нет, Бог не обязательно должен быть белым и даже не обязательно должен быть мужчиной.

Мультикультурная парадигма в современном мире предполагает разрушение национально-стереотипного мышления, о чем в романе говорится напрямую:

«Появиться перед тобой в образе величественного старика с длинной бородой, как у Гэндальфа, означало бы укрепить в тебе религиозные стереотипы, а эти выходные будут посвящены вовсе не укреплению религиозных стереотипов» [8, с. 113].

Примечательно, что размышления об идентичности христианского Бога присутствуют не только в христианской литературе. Например, в романе Элизабет Гилберт «Есть, молиться, любить», который также является массовым международным романом, главная героиня, неожиданно ставшая для себя религиозной, так рассуждает о половой принадлежности Господа: «Признаюсь также, что обычно зову Бога „Он“, и меня это ни капли не корбит, так как я воспринимаю слово „Он“ всего лишь как подходящее личное местоимение, а не анатомическую характеристику и уж точно не повод для феминистского бунта. Не имею ничего против того, что для кого-то Бог – это „Она“, я даже понимаю, что вынуждает людей звать Его женским именем. Но, по-моему, Бог-Он и Бог-Она имеют равное право на существование и одинаково точно и неточно описывают то, что должны описать» [9, с. 25].

Важной также является проблема иерархии в романе «Хижина», концепция которой является основополагающей в Библии, так как именно она заложила основы христианского монотеизма, который, в свою очередь, стал идеологическим обоснованием для всего европейского миропорядка. Библия напрямую устанавливает концепцию иерархии: «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог» [10, 1 Кор. 11:3].

В романе «Хижина» концепция иерархии полностью отвергается, она отсутствует как в отношениях человека с Богом, так и между личностями

Святой Троицы. Более того, в романе Святой Дух говорит, что иерархию придумал сам человек вследствие своей испорченности: «Вы, люди, настолько испорчены, что почти не сознаете, что могут быть какие-то иные взаимоотношения, кроме иерархических. И думаете, что Бог должен внутри себя соблюдать иерархию, как вы сами. Но мы не такие» [8, с. 152].

Очевидно, что идея равенства всех, включая даже Бога с человеком, исходит из демократических, либеральных концепций, составляющих идеологическое содержание процессов мировой глобализации. Осознанно или нет, но автор выступает против авторитарности власти и церкви, так как вкладывает идею равенства в уста самого Бога. Нельзя сказать, что Уильям Пол Янг таким образом совершает какую-то революцию, фактически он просто отражает процессы, происходящие в современном мире, – демократизацию и либерализацию государственных и религиозных институтов, которые все больше основываются не на отношениях власти и подчинения, а на отношениях равенства и сотрудничества (примером таких процессов можно назвать возможность в демократическом обществе подать в суд как на государство, так и на церковь как юридическое лицо).

Идея равенства и сопутствующего бессилия Бога в романе «Хижина» подчеркивается также пространством ответа Бога на вопрос главного героя о том, что ему делать с болью из-за жестокого убийства малолетней дочери: «Золотой мой, нет простого ответа, который мог бы избавить тебя от боли. Поверь мне, если бы он был, я бы ответила прямо сейчас. У меня нет волшебной палочки, которой взмахнешь, и все станет хорошо. Жизнь требует некоторого времени и многочисленных взаимоотношений» [8, с. 112].

С таким же успехом герою мог бы ответить кто угодно: жена, психолог, священник. Очевидно, что это не ответ всемогущего библейского Бога. В романе Бог не всемогущ, он, скорее, наблюдатель и свидетель и даже не способен избавить главного героя от боли. Его как будто бы и нет.

Многими христианскими деятелями и сообществами книга Уильяма Пола Янга «Хижина» признана еретической. Еретическая христианская книга или же книга, просто отходящая от библейского канона, – явление не редкое в современной литературе. Демократичные условия западного общества позволяют проявлять свободу фантазии и в религиозной сфере. Внутррелигиозные противоречия и несоответствия Библии можно найти во множестве других произведений, исследующих указанные вопросы.

Вместе с тем не каждая еретическая книга становится популярной. Более того, вообще любая

книга на религиозную тематику крайне редко становится международным бестселлером. То, что на роман «Хижина» обратили внимание миллионы людей по всему миру, автоматически повышает ценность его положений, делая его достойным исследования, так как своей востребованностью он отражает происходящие в мире глобализационные процессы. В нашем случае можно сделать вывод, что массовый международный читатель заинтересован в христианской религии (например,

в настоящее время не существует массового международного мусульманского романа), однако не в каноническом его виде, а в видоизмененном, в соответствии с современными реалиями. Это, в свою очередь, свидетельствует о кризисе христианской идентичности, который обусловлен, как было показано, демократическими и либеральными тенденциями, а также противодействием современным сознанием концепциям власти и авторитарности.

Список литературы

1. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы: сб. М.: Радуга, 1991. 638 с.
2. Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб., 1997. 845 с.
3. Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX века: проблемы генезиса и поэтики: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: РПГУ им. А. И. Герцена, 2005. 488 с.
4. Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России: материалы V Фулбрайт. гуманит. летней школы. М., 2003. 196 с.
5. Бубнихин А. А. Глобализация в текстах культуры: утопия – антиутопия – научная фантастика: дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2013. 147 с.
6. Религиоведение: энциклопед. словарь / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академ. проект, 2006. 1254 с.
7. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: ИКАР, 2012. 303 с.
8. Янг У. П. Хижина. М.: Эксмо, 2010. 318 с.
9. Гилберт Э. Есть, молиться, любить. М.: РИПОЛ классик, 2010. 635 с.
10. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические). М.: Российское библейское общество, 2011. 1231 с.

Иванов Юрий Юрьевич, аспирант, Литературный институт им. А. М. Горького (Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104). E-mail: ivanovyyu@yandex.ru.

Материал поступил в редакцию 17.05.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-153-157

THE CRISIS OF RELIGIOUS IDENTITY AS A REFLECTION OF GLOBALIZATION PROCESSES IN THE NOVEL BY WILLIAM PAUL YOUNG “THE SHACK”

Yu. Yu. Ivanov

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russian Federation

In modern literary studies in the context of globalization processes “mass culture” is less criticized as something “low” in relation to “elite”. Mass literature claims equal rights with any other literature in connection with the latest discourse of relativism and pluralism, when there is no consistent hierarchy of literary values. Moreover, popular literature increasingly becoming better and more inventive. However, these processes also lead to the erasure of cultural identity, in particular national and religious, as shown in the article on the example of the Christian novel by William Paul Young “The Shack”.

The novel significantly deviates from the norms of the biblical Canon in matters of the value of the Church, Scripture, the image of God, the concept of hierarchy, and this deviation is associated with such global processes as multiculturalism, democracy, individualism, liberalism, etc. For example, instead of addressing the Church and the Bible, the main character receives a note from God for a personal audience, during which God appears before him in the image of a large black woman. The mass popularity of the novel around the world testifies to the crisis of modern religious identity, as it is positioned as a Christian, and in fact is heretical.

Key words: *globalization, multiculturalism, religious identity, Christian novel, William Paul Young.*

References

1. Ortega-i-Gasset H. *Degumanizatsiya iskusstva i drugie raboty: sbornik* [The dehumanization of art and other works: the collection]. Moscow, Raduga Publ., 1991. 638 p. (in Russian).

2. Lotman Yu. M. *O russkoy literature* [About Russian literature]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 1997. 845 p. (in Russian).
3. Chernyak M. A. *Fenomen massovoy literatury XX veka: problemy genezisa i poetiki*. Dis. dokt. filol. nauk [The phenomenon of mass literature of the 20th century: the problems of genesis and poetics. Diss. doc. of philol. sci.]. Saint-Petersburg, 2005. 488 p. (in Russian).
4. Populyarnaya literatura: opyt kul'turnogo mifotvorchestva v Amerike i v Rossii [The popular literature: the experience of cultural myth-making in America and Russia]. *Materialy V Fulbraytovskoy gumanitarnoy letney shkoly* [The Materials of the V Fulbright humanitarian summer school]. Moscow, 2003. 196 p. (in Russian).
5. Bubnikhin A. A. *Globalizatsiya v tekstakh kul'tury: utopiya – antiutopiya – nauchnaya fantastika*. Dis. kand. filol. nauk [The globalization in the texts of culture: utopia – dystopia – science fiction. Diss. cand. of philol. sci.]. Kostroma, 2013. 147 p. (in Russian).
6. Zabayko A. P., Krasnikova A. N., Elbakyan E. S. et al. *Religiovedeniye: entsikl. slovar'* [Religious studies: encyclopaedic dictionary]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 1254 p. (in Russian).
7. Krylov A. N. *Religioznaya identichnost'. Individual'noye i kollektivnoye samosoznaniye v postindustrial'nom prostranstve* [Religious identity. Individual and collective self-consciousness in the post-industrial space]. Moscow, IKAR Publ., 2012. 303 p. (in Russian).
8. Yang U. P. *Khizhina* [The Shack]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 318 p. (in Russian).
9. Gilbert E. *Est', molit'sya, lyubit'* [Eat, pray, love]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2010. 635 p. (in Russian).
10. *Bibliya: knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta (kanonicheskiye)* [Bible: books of Scripture of the Old and New Testament (canonical)]. Moscow, Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo Publ., 2011. 1231 p. (in Russian).

Ivanov Yu. Yu., Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Tverskoy bul., 25, Moscow, Russian Federation, 123104). E-mail: ivanovyy@yandex.ru.